П. Ставров

НОЧЬЮ

стихи

ПАРИЖ
1 9 3 7
Об'единение Писателей и Поэтов

Еще луна, синева и снег
На большом перекрестке пустынных дорог,
Еще слова сказал человек,
Слова, что раньше сказать не мог.

Еще, как вчера, настигала беда,
В стеклянное небо упирался дымок,
Еще, как вчера никто,никогда
Огромного неба вместить немог.

Еще понятны и легки
Слова, упавшия не в срок,
Вдали мелькнувший огонек,
Тепло мгновенное руки.

Еще—надейся и умножь
Внезапно вспыхнувшую дрожь.
И на луче от фонаря
Еще ответная заря
Закату нежному верна,

Но рядом—пенясь исчерна,
Над глуховатой темнотою,
Но рядом, за морской чертою,
За плеском плеск, за взлетом взлет,
Ведут нездешней скуке счет.

Фонарики

Эти сумерки—черные с синим
И луна—неживая печать,—
За фонарным расцветом павлиньим
Мне живого лица не узнать.

И приходится верить, что тайна
В огоньках, фонарях—белизной
На гранит и чугун не случайно
Разливается светлой луной.

Ей сегодня легко и нарядно
(Ах, зачем обрывается нить
Этим вечером смутным и чадным)
В металлических лужах светить.

Как в таком удержаться скольженьи?
(Синева, холодок, полет)
И каким запылал отраженьем
Электрической радуги взлет?
. . . .

Ах, фонарики,—черные с синим
Ротой, в струнку—мучительный строй..
Здесь обряд ослепительных линий
Завершается мертвой луной.

Часов отбиванье звучит, как отбой,
(Метаться ль нам дальше куда и откуда?)
И взморем, и синью, и нашей тоской
Сейчас завладеет луна и причуда.

Я знаю, я вижу—полуденный свет
За лунную тень отступает не сразу,
Но новый, заоблачный, призрачный бред
Внезапно приближен на уровень глаза,

Вплывая в легчайший и радостный пух
В высокой волне напряженного света
Пока возглашающий трижды петух
Зарвавшийся взлет не притянет к ответу.

Скука выдуманнаго вокзала.
За оградой скупо вянут розы,
В этой сказке будет для начала
Грохотавший, убегавший поезд.

Уходящим призраком печали
Лица, тени пролетали мимо,
Наплывая, снова повторяли,
Повторяли о неповторимом...

Ускользала пыльная дорога,
Но колеса истово стучали
Позади оставленной тревогой,
Той, что оставалась на вокзале.

И в последний раз (в чаду, в дремоте)
На высокой, чистой, строгой ноте
Свист о несмолкающей заботе....

Слепой переулок Слепой огонек.
Четырнадцать вдоль—и пять поперек.

Пустынное небо под такт шагов—
Как черная песня без всяких слов.

Прохожий чудак под цветистым кольцом
Встречает чужим, не своим лицом.

—Ей, ей, до зари куда идти?
—Ей, ей, уголка веселей не найти.

Знакомый, большой и нестрашный дом
За темным, пустым, перебитым стеклом.

Слепой переулок—нестрашный—лег.
Четырнадцать вдоль и пять поперек.

Этот сон невозможно понять,
Так докучливый шопот несносен.
Будут золотом листья сверкать
В безнадежно-прекрасную осень,

Будет в воздухе нежном кружить
Золотая, невидная нить.

Этот сон невозможно понять—
Каждый сорванный лист, как печать,

Но, как нищий, обугленный лес
В безконечную четкость небес,
И легчайшее кружево дней
Все бедней, все нежней...

О, короткое зарево дней
Над сгоревшею жизнью моей!

Может быть

по снегу, в изступленьи
быстрый бег в проталинах полей,
и последнее из считанных мгновений
верной гибели моей.

Может быть

—как миг, воспоминанье,
жаркий вздох и жадность до конца,
и светлей—холодное сиянье
бледных звезд у мертваго лица.

Может быть

труднее бег и тише,
свист—дыхание, и окровавлен рот,
что ни шаг—огромнее и выше
мой последний небосвод.

Два огонька из двук орбит
Зовут войти. Садись и пей,
Играй и пей. Вино дробит
Огонь на тысячу огней.

"Добрый вечер!" Глухой и замученный май
Пролетает веселый и звонкий трамвай..

И сегодня—опять
Из углов, из прорех
Веселее звенят
Приключенье и смех
И на каждом углу
Огоньками согрет,
Торопись,
Уходи
В синеватую мглу
Запоздавший поэт,

Уходи в беспечальный поток,
Торопись и тревожь
Невеселую, темную дрожь
И высокий в груди холодок—
Чтобы летняя душная мгла
Величаво и мимо плыла.

Песня

Забывается день. Забывается зной,
Удлиняется тень по востоку,
Водворяется ночь неживой синевой,
Неживой синевой и далекой.

Поднимается влага от красных песков,
Поднимается сердце—обманом,
Отрывается малым и бедным листком
От пустынной страницы Корана.

Уплывает земля. Раздвигается ночь,
Остановлено время в качаньи.
Только песня сжигается в ночь
На безводном и горьком отчаяньи.

Как бурнус, развевается звездный полет,
Под бурнусом раскинуты руки,
Только сердце араба плывет
И несет свою мертвую скуку,

В этой странной, пустой, неземной вышине
В этой лунной и призрачной дрожи—
Обрывается песнь на высокой струне,
Больше выдержать сердце не может.

Четыре улицы — раскинутыя руки.
Скорей беда настала бы,
Под ветром, как на палубе.
И этот
Непрекращающийся шопот
Осенней сырости конца.
Что ныне эти жалобы,
Какия песни прокляты,
Какия руки отняты
От мокраго лица?

Затертые и смытые
Мы знаем все и считаем
Все капли по стеклу.
Четыре улицы
                    омытыя,
И капли тычутся
                    забытыя,
Слепыя по стеклу.

И вот—осенния стенания
На колоду воспоминаний.

Поворачивай дни покороче,
Веселее по осени стынь
Ведь в холодныя, ясныя ночи
Выше звезды и горше полынь.

Если ходу осталось немного,
Если холодом вечер омыт—
Веселей и стеклянней дорога,
Как струна, под ногами звенит.

Не спеша в отдаленьи собачий
Вырастает и мечется вой
И размах безпечальней бродячий
Под высокой, пустой синевой.

Все прошло, развалилось, опало
В светлой сырости осени злой
И взлетает последняя жалость
Легче крыльев за бедной спиной.

Плачут струны в призрачном эфире,
В этом странном и звенящем мире,
Отплывают важно корабли
К берегам неведомой земли

И встает огромная заря,
Раскрывая дальния моря,

И ночей холодный пустоцвет
Загорается на много, много лет...

Все на местах. И ничего не надо.
Дождя недавняго прохлада,
Немного стен, немного сада...

Но дрогнет сонная струна
В затишьи обморочно-сонном,
Но дрогнет, поплывет—в огромном,
Неутолимом и бездонном...

И хоть бы раз в минуту ту
Раскрыв глаза, хватая пустоту,
Не позабыть, не растеряться,
Остановить,
И говорить, и задыхаться...

Все более немыслим—серый свет
Над грудою разбросанных газет,
Огней тревожное мерцанье,
Соседа пьяное дыханье,
Тот дробный шепот, что разлит
Над трезвым цоканьем копыт
И это ауто-да-фе
В затрепанном ночном кафэ ..

Но надо ль было—серый свет,
Так много—ночи, столько—лет,
Чтобы поверить: за стихами
Всепожирающий разсвт
И утра ровный, белый пламень.

В четвертом часу утра
Все несбыточно, но не случайно:
Ведь и лепет ночных утрат
Постепенно слагается в тайну.

Да ознобом сведенный зевок...
И разсвет оковал, как зевота,
Захотел одолеть и не смог
Недопитой в стакане дремоты...

Захотел одолеть—и не смог...
Побледневшим, усталым разсыльным,
Что бормочет и валится с ног
От ночей беготни непосильной,

От ночей шаркотни невпопад...
И неловким, спросонок, движеньем
На картонные столики вряд
Растасовывал синия тени.

Потолок, да окурок... плевок...
Вот зевота—от пыльных растений,
Вот и свет—неуклюжий комок
(Через час) голубых оперений.

Допивать, доживать, досыпать...
А разсвет ведь опять, как гримаса.
Если б можно до сути узнать
Умиранье четвертого часа.

Когда и дрема и покой
В ночном чаду истратятся
И разговор, как шар пустой,
Отскакивая, катится

И шелуху огней в слова
Перетирают жернова...

И нет возможности понять
(В который раз—не сосчитать)
Глухого утра за ночной
Белесоватой пеленой

И остается—
иеземной
Звончайший шаг по мостовой.

Опустевшее время. Тревога поет
Как пчела над полуденным зноем.
Разве время такое, что верен полет
Над прорвавшимся в мире покоем?

Корабли и дома. Ослепителен жест
Оловянно-белесаго моря.
Захрустевший песок. И тяжелый как крест
Серый камень на вскинутом взгорье.

Одинокая мачта высоко-легка,
Черной лодки засмоленный гребень...
Разве время такое... И флагом—тоска,
Опоздавшею птицей на слепнущем небе.

День не такой, как все, сошедший гладко,
Но застревающий — без снов.
Высокая стена, крылатка,
И слишком четкий стук шагов.

И так шагать — и волосы по ветру,
И руки врозь, и сердце на чеку,
Безчувственным отмеривая метром
Пустынную, последнюю тоску.

А за углом — и в судорге, и в муке
Разсвет — на день похож и непохож.
Какая странная, предутренняя скука
Покорно голову укладывает под нож!

Излом угла — и за углом возочек,
Безсмысленный предвестник пустоты,
И утренний разсыпанный песочек —
Последние заметывать следы.

Летучий Голландец

Уже дыханье ветра—лед
И синева в сухих морщинах
И снасти—только перелет
Над неразвергшейся пучиной

И бурной ночи перерыв
Уже как дрожь воспоминанья
И флаг на мачте вечный взрыв

Несмолкающего отчаяния.

А небо—голубым огнем
На неживой пергамент кожи..
Какой волны крутой под ем
В последний раз ему поможет?

Так тяжким накатом – надрывно и туго
Сорвались и лопнули обручи стали.
Гроза обложила нас с запада, с юга,—
и далее.

Осада,
И натиск по краю воскрылий
И вздутаго неба огромныя лопасти
И треплются желтые флаги усилий
Над пропастью.

А к вечеру тише
И шопот почти что не слышен
И ночь на краю, у ограды
Неслышнаго прочего
Чернее отточена.

От туманности завес,
Сквозь горячих дней отраву
Прорывается небес
Приоткрытая застава.

(И в разгар пустой возни
В слишком черной стоков тени
Вниз по желобу скользить
Неурядицей скольжений.)

Это тоже может быть:
Неотвязный запах тленья
Перенять и перебить
Монотонностью падений,

И потом в туманный чад,
Под дождя стеклянный ропот
Посылать холодный яд,
Челобитной слезный шепот.

Здесь все – (в последний раз) неясно,
И освещенье все нежней,
Как будто боли ежечасной
Дремоту одолеть трудней.

Здесь скука—в неизвестном чине
И скукой осененный двор
И выплывающий из сини
Неощутительный раствор.

И эту синь фонарных вышек
И этот блеск торцовых ран
Приподнимает и колышет
Свинцовым вымпелом туман.

Он не мерцает, он не дышет,
Он задыхается во сне.—
Он невозможней, чем афиша,
Что птицей бьется на стене.

Как дымок, расплывается прочь
Синекрылая, легкая ночь,
    Если звезды мерцают светлей
    Если ветер сорвется с полей
    И вздувается синью река
        И прозрачней чем звезды, тоска...

Но смешней декорации нет,—
В скучноватый, печальный разсвет
Суматошный врывается свист
        И кружится отчетливей лист.

Семенит, просыпаясь врасплох,
Пароходик, смешной скоморох,

И мотор на реке

                        та-та-та..
                        та-та-та..

Пустота, пустота...

Когда заботою удручены
Мы поднимаем в гору, в гору
Сухую накипь призрачной волны
И горечь праздных разговоров

Так близится заманчивый удел
И кое-как мы коротаем сроки...

Но в сумерки, на одинокий лад
Холодный прах перебирая,
Но в сумерки,
Когда часы безжалостно стучат
Не призывая и не обличая,

От влажной тяжести ночной
Отгородившись каменной стеной

Как медленно мы погибаем....

ОГЛАВЛЕНИЕ

Того же автора. Без последствий,
стихи 1934